

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

В.М. Розин

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ ПЬЕРА АДО «ФИЛОСОФИЯ КАК СПОСОБ ЖИТЬ: БЕСЕДЫ С ЖАННИ КАРЛИЕ И АРНОЛЬДОМ И. ДЭВИДСОНОМ»

Розин Вадим Маркович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: rozinvm@gmail.com

Все искания Адо связаны с вопросом: как жить философу, что значит посвятить свою жизнь философии, как философствовать. Чтобы ответить на поставленный вопрос, Адо размышляет о том, что такое философия. Он показывает, что философия, начиная с античности, представляла собой не только и не столько теоретизирование, сколько особый философский образ жизни и мышление, с которыми связана идея мудрости. В то же время философ убежден в том, что философствование представляет собой духовное упражнение, а также в том, что миссия философии состоит в преобразовании восприятия мира. В статье обсуждаются эти представления Адо, жизненная ситуация, в которой он совершал свой философский выбор, и ценности, обусловившие такое понимание философии. Для Адо главная фигура в осмыслении философствования – личность, последняя же в силу самостоятельного выстраивания мира и себя в этом мире руководствуется тем, что она видит. Это верно, если единственный фигурант событий – личность, но если также и культура, и коммуникация, и уникальное стечение обстоятельств? Хотя личность живет в культуре, как онтологическая реальность она самостоятельна. Личность и культура – это две дополнительные социальные онтологии. Автор предлагает при анализе философии учитывать не только личность, но и указанные три момента (культуру, коммуникацию, уникальные обстоятельства).

Ключевые слова: философия, образ жизни, теоретизирование, культура, спасение, мир, порядок, жизненная навигация, упражнение, духовность

Эту небольшую книжечку известного исследователя античной философии, переводчика Плотина, Мария Викторина и Марка Аврелия, мне подарил на день рождения мой друг, психолог и методолог Андрей Пузырей, думаю, не только, чтобы доставить мне удовольствие, но, возможно, инициировать от-

клик. И он не ошибся: я действительно получил от чтения книги огромное удовольствие и на самом деле захотел выразить свое отношение к взглядам Пьера Адо, другую книгу которого «Что такое античная философия» (1999) я с интересом прочел и даже цитировал в нескольких своих работах.

В этой первой книге Пьер Адо показывает, что философия, начиная с античности, представляла собой не только и не столько теоретизирование, сколько особый философский образ жизни и мышление, с которыми и связана идея мудрости. «Чтобы понять философские произведения античности, – пишет он, – надо учесть конкретные обстоятельства философской жизни в эту эпоху; надо уяснить, что подлинная цель античного философа – не дискурс ради самого дискурса, а духовное воздействие на людей... Если мы осознаем это, тогда мы уже не станем удивляться, обнаружив, к примеру, у Платона, Аристотеля или Плотина апории, в которых запутывается мысль, исправления, повторы, явные противоречия: мы будем помнить, что их философский дискурс должен не сообщать некоторое знание, а образовывать и упражнять»¹. Привлекла меня и другая мысль. Соглашаясь, что для Аристотеля философ – это тот, «кто любит мудрость, стремится ее достичь», а философия – это ««теоретический» образ жизни», Адо замечает, что «теоретический» в античности не противопоставляется «практическому», иначе говоря, слово «теоретический» применимо и к философии практикуемой, деятельной, живой, приносящей радость и счастье. В подтверждении своей мысли Адо цитирует Аристотеля: «Практическая деятельность не обязательно направлена на других, как думают некоторые; практическими являются не только идеи, применяемые ради положительных последствий, вытекающих из самой деятельности, но еще большее значение имеют те теории и размышления, цель которых – в них самих и которые существуют ради самих себя»².

Адо утверждает, что многие философы Нового и Новейшего времени, «выражаясь словами Канта, остались верны Идее философии», трактующей философию прежде всего как особый образ жизни, исходящий из философской мысли. Если разобраться, говорит Адо, «это скорее в школьной философии, и особенно ее истории, всегда делался упор на теоретическом, абстрактном, концептуальном аспекте философии»³.

Все эти положения тогда мне показались очень интересными, но я серьезно их не продумал. Читая же подаренную вторую книгу, где эти положения были тоже воспроизведены, я почувствовал: во мне что-то сопротивляется. Я понял, что, с одной стороны, концепция Адо меня очень привлекает, но с другой – как ни странно, хочется спорить с основными положениями этой концепции. Именно это затруднение и заставило меня продумать концепцию Адо и начать ее комментировать.

Можно сказать, что все искания Адо связаны с вопросом: как жить философу, что значит посвятить свою жизнь философии, как философствовать. «Мы можем, – пишет Адо, – найти эту ситуацию парадоксальной, но главная проблема, которая встает перед философом, это в конечном счете знать, что такое философствовать. Это вопрос, все время появляющийся при чтении Платона, Аристотеля, Плотина, Спинозы или Канта»⁴. При чем уяснения отношения к другим философам нельзя избежать, такая работа составляет суть самого философствования. Я думаю, пишет Адо, «что Бергсон прав, сказав:

¹ См.: Адо П. Что такое античная философия? М., 1999. С. 289.

² Аристотель. Политика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 595.

³ Адо П. Что такое античная философия? С. 289.

⁴ Адо П. Философия как способ жить: Беседы с Жанни Карлие и Арнольдом И. Дэвидсоном. М.; СПб., 2005. С. 220–221.

любой философ реагирует на идею другого мыслителя. Но эта ситуация также его обуславливает, ему навязывает определенную проблематику, иногда ограничивает порыв его мысли»⁵.

В свою очередь, чтобы ответить на поставленный вопрос, Адо обсуждает, что такое философия. Сразу стоит подчеркнуть, что оба эти вопроса для него практические. Практические в том отношении, что опять же проблема упирается в вопрос, как правильно жить философу и что это такое. На мой взгляд, здесь требуется разъяснение, поскольку может показаться, что речь идет просто о ценностях: ну больше всего на свете ценит Адо философию и философский образ жизни, что тут особенного?

Как видно из беседы с Жанни Карлие, в июне 1952 года Адо решил выйти из Церкви и расстаться с «приходом студентов», где он участвовал в издании газеты и работал над философской диссертацией. Одну из основных причин разрыва с Церковью Адо формулирует так: «Самое серьезное – это искусственность среды, совершенно изолированной от внешнего мира, место, где подавлялась всякая личная инициатива, любая оригинальность, любая самостоятельность. Мы были перед миром полными невеждами, а особенно перед миром женским... истинный источник зла по-прежнему существует, и это то, что я называю “сюрнатурализмом”. Под “сюрнатурализмом” я понимаю идею, под влиянием которой можно изменить свое поведение главным образом не-естественными способами, а противостоять всем ситуациям помогает слепое доверие всемогуществу милости»⁶.

Другими словами, Адо был личностью, а церковная среда и догмы ставили для его личности непреодолимую преграду. Из этой же беседы видно, что Адо дружил с людьми, которые весьма критически относились к Церкви, а интеллектуальная атмосфера во Франции того времени была в высшей степени философской⁷.

Что характерно для личности в точках экзистенциального кризиса и поступков, кардинально меняющих жизнь?⁸ Пересмотр старых представлений о реальности (мире) и самом себе и поиск ориентиров для новой жизни. Поскольку личность действует *самостоятельно, оригинально* и, как писал Фихте, *сама выстраивает свою жизнь*, постольку она вынуждена заново конституировать и себя, и мир, в котором живет. Если не религия и вера и не Церковь, то что? Для Адо выбор был ясен – философия. Но здесь была серьезная проблема. Если религиозное воспитание, которое он получил, строилось по вековым традициям и канонам, то путь философии для Адо не только не имел царской

⁵ Адо П. Философия как способ жить. С. 108.

⁶ Там же. С. 52–53.

⁷ Более того, Большая семинария в Реймсе, где Адо учился, предоставляла для своих слушателей возможность серьезно войти в философию. «Мы, – пишет он, – изучали томистскую философию, а также Бергсона, сначала осужденного Церковью за написание “Творческой эволюции”, а потом, после написания “Двух источников морали и религии”, ставшего чуть ли не отцом Церкви. Бергсон имел значительное влияние на эволюцию моей мысли, в той мере, в какой вся его философия зиждется на опыте всплеска существования, жизни, которую мы экспериментируем в самих себе согласно нашей воле и в живом развивающемся порыве. Я стал бакалавром философии в 1939 году, написал сочинение-комментарий следующего определения Бергсона: “Философия есть не построение системы, а раз и навсегда принятое решение наивно всматриваться в себя и вокруг себя”» (там же. С. 31).

⁸ Жанни спрашивает у Адо: «Ужасный удар для вашей матери и для нее, может быть, даже ощущение краха»? (мать Пьера была очень набожной и всех трех своих сыновей решила сделать священниками. – В.Р.). Адо отвечает: «Должен сказать, что у меня не хватило духа отправиться в Реймс для встречи с ней. Я написал ей письмо, и у меня было чувство, словно совершаю убийство» (там же. С. 49).

дороги, здесь даже тропинки приходилось прокладывать самому. Думаю, на выбор пути, точнее его конституирование, помимо Бергсона, повлияло и религиозное воспитание Адо. Неважно, что он ушел из Церкви в обычный мир, христианский способ жизни, предполагающий идеальный, трансцендентальный горизонт, усилия, направленные на спасение, общую работу над собой, на мой взгляд, предопределили направление поисков Адо. Их формулу он сам очень точно констатирует, говоря, что вся философия Бергсона, а, по сути, прежде всего самого Адо, «зиждεται на опыте всплеска существования, жизни, которую мы экспериментируем в самих себе согласно нашей воле и в живом развивающемся порыве»⁹. То есть не проложенный кем-то путь, а его поиск, личный, творческий, экспериментальный.

Нравится Адо и бергсоновское «решение наивно всматриваться в себя и вокруг себя». Но эту установку нужно правильно понять. В беседе Адо с Арнольдом Дэвидсоном мы встречаем вроде бы странное понимание философии: «Сократ всегда оставался образцом в этой области; я думаю о прекрасном тексте Плутарха, который говорит: Сократ был философ, но не потому, что преподавал на кафедре, а потому, что он болтал со своими друзьями, шутил с ними; он также ходил на агору и после всего этого у него была образцовая смерть. Итак, эта практика повседневной жизни Сократа и есть его настоящая философия»¹⁰. Кажется, при чем здесь философия (является ли вообще «философия повседневности» философией?) и разве философ наивно смотрит на жизнь?

Я понял бы эти установки и утверждения в том плане, что Адо стремится уйти от академической и школьной философии, застывших в твердых предпосылках, в ясном понимании бытия. Он хочет быть современным, а единственный способ коснуться современности, достать до современности – это жить теми проблемами и заботами, которыми живут остальные люди. Другое дело, что это только первый шаг на пути философствования. Здесь можно вспомнить и Хайдеггера, который пишет следующее. «Всякое сущностное мышление требует, чтобы мысль и положения каждый раз, как металл, выплавлялись из основонастроения. Если основонастроение отсутствует, то все есть лишь принужденный звон понятий и словесных оболочек. <...> Мышление бытия как событие – это изначальное... мышление, которое как размежевание с первым началом готовит начало другое. <...> Событие: надежный свет осуществления бытия в самом крайнем горизонте внутренней нужды исторического человека. <...> Философия это всегда начало, и она требует преодоления самой себя»¹¹. Так вот, возможно ли «в самом начале» без наивного всматривания правильное основонастроение?

Однако куда все-таки направляет свою лодку жизни Адо? Когда он был в Церкви, ориентиры ясно просматривались на горизонте – спасение в Боге и преображение в конце жизненного пути. Поэтому, кстати, Пьера в молодые годы так интересовала мистика. Адо признается, что ему как всякому истовому христианину страстно хотелось пережить непосредственное созерцание Бога. Но, пишет он, настоятель Авонского монастыря кармелитов, где Адо уединился для этих мистических опытов, объяснил ему, «что это желание прямого контакта с Богом – заблуждение и что абсолютно необходим путь через Иисуса Христа»¹², мысль, как известно, впервые высказанная св. Августином, который в «Исповеди» говорит, что он нашел место Христу как по-

⁹ Адо П. Философия как способ жить. С. 31.

¹⁰ Там же. С. 160.

¹¹ Хайдеггер М. Вклады в дело философии. От события // *Ἐριννεῖα*. 2009. № 1(1). С. 69–70, 77, 81.

¹² Адо П. Философия как способ жить. С. 124.

среднику между Богом и людьми. Поняв это, Адо, с одной стороны, на склоне лет спокойно признается: «Как бы там ни было, я никакого мистического опыта не знал»¹³, а с другой – повернулся к людям, больше стал жить их заботами и проблемами.

Но вернемся к поставленному вопросу: когда Адо вышел из Церкви и встал на путь философии, на какие маяки жизни ему надо было ориентироваться, можно ли понять характер «духовной навигации», которой он руководствовался? Традиционный ход – принять какую-нибудь философскую школу или систему или, если достаточно интеллектуального куража, построить свою, новую. И от того, и от другого Адо отказывается: он не примкнул ни к одной из известных философских школ и не построил свою новую философскую систему¹⁴. Более того, он вообще отрицает «порядок мира» и, следовательно, возможность понять, как мир устроен¹⁵.

В то же время Адо не может отрицать тот очевидный факт, что большинство философов, особенно до Канта, предлагали свои, единственно верные версии «порядка мира» или, как он еще говорит, философские системы, теории. Для этих философских построений Адо все же находит место в своей концепции, а именно утверждает, что это не системы, а своего рода дидактические средства, созданные для лучшего обучения философии, а также для того, чтобы основательней утвердиться в принятых взглядах. «Я думаю, – пишет Адо, обсуждая у Прокла систематические, по образцу “Начал” Евклида, изложения взглядов на природу и Бога, – что цель этого метода была скорее всего не в теоретическом упражнении аксиоматики, а скорее в том, чтобы позволить ученику приобрести, благодаря строгому доказательству, нерушимую уверенность в догматах школы, которые должны регулировать его жизнь»¹⁶.

Не отрицая педагогического значения философских систем, трудно согласиться с Адо, что это их единственное назначение. Философская концепция и, если получится, развернутая на ее основе система задают *видение реальности и входящих в нее феноменов*. Помимо мировоззренческого значения, на которое обычно указывают, видение реальности обеспечивает для личности философа, построившего данную систему, возможность самостоятельно действовать в сложных жизненных ситуациях. Эта возможность затем распространяется и на последователей и адептов данной системы. Всего одна иллюстрация: философская система Платона.

¹³ Адо П. Философия как способ жить. С. 124.

¹⁴ Что, однако, не означает отсутствия симпатии Адо к определенным направлениям философии. Конкретно ему особенно близка античная философия, а в ней учения Плотина, эпикурейцев и стоиков, принципы которых он часто цитирует.

¹⁵ «Например, – размышляет Адо, – Эйнштейн приходил в восторг от законов природы, предполагающих трансцендентальный разум, и от порядка мира, соответствующего порядку мысли. Можно было бы сказать по этому поводу: непонятно то, что мир был бы понятен... Для этой темы, вы это признали сами, вопрос провидения и порядок мира имеют мало значения. Эпикур в это не верил, и, кстати, необходимость стоиков в конце концов не очень сильно удалена от некоторых современных концепций» (там же. С. 240).

Действительно, приходится признать, что в настоящее время мы как-то живем, не зная не только, что такое порядок мира, но и что собой представляет прошлое, настоящее и будущее. Кажется, если мы охарактеризуем прошлое и будущее, то будем знать, что делать в настоящем, как правильно жить. Однако решение этой задачи наталкивается на множественность и неопределенность прошлого и будущего, поскольку их версиям и интерпретациям нет числа, а выяснить, какие же из них правильные, невозможно. С легкой руки Фукуямы пишут о конце истории, впору говорить и «конец будущего». Но это всего лишь метафора, а вот что здесь можно помыслить рационально?

¹⁶ Там же. С. 94.

Лосев в комментариях к «Горгию» пишет: «У Платона не раз встречаются упоминания и описания судьбы души в загробном мире. В “Федоне” рисуется подробный путь души в Аид, а также “истинное небо, истинный свет и истинная земля” иного мира, где все прекрасно, все полно света и сияния. Вместе с тем подробно изображена топография Тартара и подземных рек. Те же, “кто благодаря философии очистился полностью, впредь живут совершенно бестелесно и прибывают в обиталища еще более прекрасные”. В “Федре” есть образ вселенской бессмертной души, ибо “вечно движущееся бессмертно”. Каждая отдельная душа подобна “слитой воедино силе упряжки крылатых коней и возничего”. Зевс, воинство богов и демонов на крылатых колесницах мчатся по небу, а за ними жадно стремятся попасть в занебесную высь души смертных, но их тянут вниз все их земные несовершенства. Здесь же, в “Федре”, – орфико-пифагорейское учение о переселении душ. В “Государстве” некий памфилец Эр рассказывает о странствии души по царству мертвых, о суде над умершими и о жребии, которые выбирают души, чтобы возродиться на земле. Там же знаменитое описание небесных сфер с поющими сиренами и мирового веретена Ананки – богини Необходимости»¹⁷.

Эту картину Платон набросал вовсе не с педагогической целью. Ее назначение направить подвизающегося на пути спасения на правильный путь, помочь ему сделать правильный выбор. Например, помочь в построении своей жизни. В данном случае правильный выбор, по Платону, – это не одномоментный акт, а, с одной стороны, размышление, обдумывание своей жизни, с другой – собственно выбор с опорой на указанную картину.

Так, в «Государстве» Платон описывает перипетии душ в загробном мире. Вроде бы судьба человека полностью определяется богами, однако выбор дальнейшей судьбы (жребия) трактуется Платоном как вполне закономерный, обусловленный тем, как человек жил, каков его разум; зависит этот выбор и от личности умершего. «После этих слов прорицателя сразу же подошел тот, кому достался первый жребий, он взял себе жизнь могущественного тирана [выше богиня судьбы Лаксис, бросавшая в толпу душ жребии, сказала: “Добродетель не есть достояние кого-либо одного, почитая или не почитая ее, каждый приобщается к ней больше или меньше. Это – вина избирающего, бог не виновен”]»¹⁸. – В.Р.]. Из-за своего неразумия и ненасытности он произвел выбор, не поразмыслив, а там таилась роковая для него участь – пожирание собственных детей и другие всевозможные беды. Когда же он потом, не торопясь, поразмыслил, он начал бить себя в грудь, горевать, что, делая свой выбор, не посчитался с предупреждением прорицателя, винил в этих бедах не себя, а судьбу, богов – все что угодно, кроме себя самого... Случайно самой последней из всех выпал жребий идти душе Одиссея. Она помнила прежние тяготы и, отбросив всякое честолюбие, долго бродила, разыскивая жизнь обыкновенного человека, далекого от дел; наконец, она на силу нашла ее, где-то валявшуюся, все ведь ею пренебрегли, но душа Одиссея, чуть ее увидела, с радостью взяла себе»¹⁹. Хотя Одиссей осуществляет простой выбор судьбы, Платон, конечно же, имеет в виду работу личности, направленную на построение своей жизни. И в других случаях выстроенная Платоном система помогает понять, каким образом человек должен действовать в сложных, экзистенциальных ситуациях.

¹⁷ Лосев А.Ф. Комментарии // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1990. С. 810.

¹⁸ Платон. Государство // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 417.

¹⁹ Там же. С. 418–419.

Куда Адо идет, понять не так-то просто. Объясняя свой путь и способ философской жизни, он постоянно говорит о преобразовании видения мира (восприятия, жизни). Идет это первое убеждение, признается Адо, от Бергсона. «Я всегда, – замечает Адо, – рассматривал философию как преобразование восприятия мира. <...> В конце концов, думаю, что те, которых я назвал экзистенциальными мыслителями, были вправе признать в Сократе философа по воле Божьей, в том смысле, что, живя простой повседневной жизнью, он преобразует ее осознанием бесконечной ценности в каждом мгновении этой повседневной жизни <...> Сущность бергсонизма всегда будет, как мне кажется, заключаться в идее философии как преобразования восприятия»²⁰. Это можно считать первым навигационным ориентиром (убеждением) Адо.

Второе убеждение состоит в том, что *философствование представляет собой духовное упражнение*. «То, что я сказал в самом общем плане о духовных упражнениях, – пишет Адо, может произвести впечатление – хотя я стремился избежать этого, – что духовные упражнения – это некое *добавление* к философской теории, к философской речи, что это просто *практика*, которая дополняет теорию и абстрактную речь. На самом деле, упражнением является вся философия»²¹. «Мне не нравится, – замечает Адо, – выражение “практики себя”, введенное в моду Фуко, и еще меньше выражение “писание себя”. Здесь мы практикуем не “себя”, и тем более мы не пишем “себя”. Мы практикуем упражнения для преобразования “Я”, и пишем фразу, чтобы влиять на “Я”»²².

Третье убеждение, которое мы уже отмечали, – *философия, во всяком случае античная и частично современная, есть образ жизни*. «Однако, этого выражения недостаточно, – заканчивает Адо, обсуждая, что такое духовное упражнение, – чтобы выразить мою концепцию античной философии: она является духовным упражнением, потому что она есть образ жизни, форма жизни, жизненный выбор. <...> Это означает, что в формировании мысли Платона, или Аристотеля, или Эпикура, главный фактор, мне кажется, состоял в представлении определенного образа жизни, политика, просветленного идеями, в случае Платона, созерцательного ученого природы в случае Аристотеля, мудреца, наслаждающегося покоем души в случае Эпикура. Такое представление может быть мотивировано реакцией против иных жизненных вызовов и соответственно связано с целым теоретическим размышлением»²³.

Итак, три навигационных убеждения: *миссия философии состоит в преобразовании восприятия мира* (иногда Адо говорит о «видении», например, повторяя Мерло-Понти, – «философия состоит в том, чтобы переучиваться видеть мир»²⁴), *технология философствования основывается на духовных упражнениях и философия есть образ жизни, форма жизни, жизненный выбор*. Попробуем разобраться в этих вроде бы не связанных между собой воззрениях, к тому же они напоминают не столько философские положения, сколько психологические и эзотерические (недаром в паре мест проскользнула характеристика философствования как терапии в широком понимании)²⁵.

²⁰ Адо П. Философия как способ жить. С. 26, 192, 195.

²¹ Там же. С. 141.

²² Там же. С. 148.

²³ Там же. С. 149, 163.

²⁴ Там же. С. 203.

²⁵ Эпикур, рассуждая о природе, замечает Адо, «хотел представить их (высказывания о природе. – В.Р.) как теоретические предложения. Но не нужно также забывать их контекст, то есть врачевательную роль, которую он прямо приписывает им в конце “Письма”: эти предложения должны обеспечить ученику душевный покой, избавить его от боязни богов» (там же. С. 146).

Первое основоположение (убеждение) Адо действительно совпадает с одной из главных миссий философии, а именно способствовать смене реальности: с одной стороны, философ деконструирует реальность (осуществляет критику, показывает нежизненность сложившейся реальности), которая, с его точки зрения, себя уже исчерпала и препятствует развитию, с другой – намечает, конституирует (своей речью, дискурсом, схемами) ту реальность, которая, как он считает, приходит на смену, отвечая вызовам времени и современным проблемам. Адо в этой работе акцентирует психологическую сторону дела (преобразование восприятия, научение новому видению), что не случайно. Для него главная фигура в осмыслении философствования – *личность, последняя же в силу самостоятельного выстраивания мира и себя в этом мире руководствуется тем, что она видит*. Вспомним еще раз формулу: *«зиждется на опыте всплеска существования, жизни, которую мы экспериментируем в самих себе согласно нашей воле и в живом развивающемся порыве»*.

Все верно, если единственный фигурант событий – личность, а если также и культура, и коммуникация, и уникальное стечение обстоятельств? В этом плане Адо можно вернуть сомнение, адресованное им Мишелю Фуко: «в то же время, в своем описании того, что он называет практиками себя, Фуко недостаточно оценивает осознание принадлежности к космическому всеобщему и осознание принадлежности к человеческой общности, осознание, которое позволяет превзойти самого себя»²⁶.

Значительно интереснее второе основоположение, оно действительно идет поперек философской традиции; термин «духовное упражнение» невольно отсылает мысль к религиозной, или к эзотерической, или к психологической (терапевтической) практикам. Не отрицая первых двух истолкований, Адо останавливается на третьем, определяя духовное упражнение «как волевою личностную практику, предназначенную для осуществления преобразования индивида, самотрансформации»²⁷. Я не случайно употребил выше выражение «технология философствования». Духовное упражнение можно понять как *способ, условие, процедуры*, необходимые для личности, идущей по пути философии и преображения мира и себя. У Адо есть и другое понимание духовного упражнения: это ментальная технология возобновления основных принципов личности и, следовательно, условие, как бы сказал Мераб Мамардашвили, возобновления ее жизни, которая сама по себе не воспроизводится, а требует усилий и творчества.

При этом Адо молчаливо исходит из различения *повседневности (в том числе конкретных ситуаций)* и *принципов и ценностей личности*, которые конструктивны и не просто не совпадают с повседневными реалиями, но часто им противоположны. Духовные упражнения, включая философствование, призваны, с одной стороны, соотнести оба эти плана (повседневный и, так сказать, трансцендентальный), с другой – создать условия для подтверждения (через обновление и переосмысление) трансцендентального плана. В книге есть один конкретный пример, позволяющий понять эту роль духовных упражнений.

Адо пишет, что книга Марка Аврелия «Размышление» была им адресована самому себе. «Марк Аврелий пытался всколыхнуть в себе стойка, те догмы, которые должны управлять его жизнью, но терявшие для него свою убедительность; следовательно, нужно было возобновлять попытки снова и

²⁶ Адо П. Философия как способ жить. С. 210.

²⁷ Там же. С. 140.

снова... Но чтобы можно было разбудить во всех обстоятельствах эти принципы (ничего не допускать в свой разум, что не было бы объективно, ставить себе целью благо человеческого общества, соотносить свои желания с рациональной формой Вселенной. – В.Р.), нужно придать им форму афоризма, короткой и выразительной формулы, которая их стимулирует. <...> Что он хочет, так это иметь реальное согласие между стоической догматикой – например, что нет добра и зла, помимо морального добра и морального зла, и также, что люди родственны между собой по разуму и, следовательно, людей необходимо любить, прощать. Чтобы прийти к такому реальному согласию, нужно использовать воображение, но также и умение рассуждать, и психологическую дисциплину в целом»²⁸.

Несмотря на необычность понятия «духовное упражнение», его смысл может почувствовать почти каждый, вспомнив свое поведение с любимым человеком. Кажется, объяснились в любви и живите спокойно. Ан нет, все время спрашиваешь: ты меня любишь или нет, все время хочешь удостовериться, что она (он) занята тобой, что ты для нее – единственный свет в окошке. А чтобы любовь не ослабела и не ушла совсем, изобретаешь и другие духовные упражнения: устраиваешь праздники, возобновляешь мысленно ее (его) достоинства, вспоминаешь, как познакомились, разыгрываешь как бы вновь вспыхнувшие увлечение и страсть и прочее и прочее. Дискурс любви состоит из этих многочисленных духовных упражнений, без них любовь быстро увядает.

Аналогично философский дискурс, утверждает Адо, состоит из многочисленных духовных упражнений (философской речи, теоретических построений, диалогов, написания произведений и пр.). Особенность этих упражнений в том, что они способствуют не только преобразованию восприятий и представлений о мире и научают его видеть по-новому, но направлены на преобразование, а иногда и преображение личности философа. Адо пишет, что он понял, насколько трудно предложить или принять новые представления о мире, *не изменив представления о самом себе*. Впрочем, эту проблему, правда, в несколько натуралистическом ключе обсуждал еще Платон. В «Тимее» он пишет. «Итак, согласно правдоподобному рассуждению, следует признать, что наш космос есть живое существо, наделенное умом... Между тем если есть движения, обнаруживающие сродство с божественным началом внутри нас, то это мыслительные круговращения Вселенной; им и должен следовать каждый из нас, дабы через усмотрение гармоний и круговоротов мира исправить круговороты в собственной голове, нарушенные уже при рождении, иначе говоря, добиться, чтобы созерцающее, как и требует его начальная природа, стало подобным созерцаемому»²⁹. В данном случае личность должна так устроить (преобразить) себя, чтобы ей удалось преобразовать восприятие мира. И часто оказывается, что эта работа растягивается на всю жизнь.

Рассмотренный здесь взгляд на устройство философствования мне кажется привлекательным, позволяющим многое понять и по-новому анализировать философские произведения и дискурсы. Одновременно, поскольку не просматриваются (не выявлены) проблемы и условия, в контексте которых технология духовных упражнений сложилась, эта технология выглядит как обособленная, существующая сама по себе, что ведет к формализации, к невозможности понять логику философской мысли, она тонет в изобретенной

²⁸ Адо П. Философия как способ жить. С. 98–99.

²⁹ Платон. Тимей // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 434, 498.

кем-то технологии. Судя по книге, вряд ли бы Адо согласился считать духовные упражнения видом технологии, но, на мой взгляд, технологическая революция не обошла и философию. Реализация технологического подхода в области философии привела к созданию по меньшей мере трех вариантов методологии: «панметодологии Г.П. Щедровицкого», «методологии с ограниченной ответственностью» автора настоящей статьи и «методологии в рамках концепции “философии как способа жить”» Адо. В их основании лежит разное понимание технологии и ее отношение с другими направлениями философии.

Теперь третье навигационное убеждение. Здесь Адо, с одной стороны, вынужден признать тот известный факт, что существуют разные философские школы и направления мысли (платонизм, аристотелизм, школа последователей Плотина, Эпикура, стоики и т. д.), с другой – учесть, что личность делает выбор способа жизни не в безвоздушном космическом пространстве, где открыты любые пути, а на земле в условиях социальной коммуникации (выбор, замечает он, может быть мотивирован реакцией против иных жизненных выборов и соответственно связан с теоретическим размышлением³⁰).

Здесь Адо предлагает вторую трактовку «порядка мира»: во-первых, она локальная – не весь мир, а только та реальность, которая необходима личности для выбора жизненного пути, во-вторых, этот порядок тесно связан с логикой выбора. «Можно было бы сказать, – разъясняет Адо, – что имеется взаимная причинность между теоретическим размышлением и жизненным выбором. Теоретическое размышление идет в определенном направлении благодаря фундаментальной ориентации внутренней жизни, и эта тенденция внутренней жизни конкретизируется, уточняется и принимает форму благодаря теоретическому размышлению»³¹. Другими словами, Адо хочет обратить наше внимание на тот интересный момент, что жизненный выбор (тенденция внутренней жизни) человеку не дан как определенное сформированное целое, что это целое становится, причем не только в процессе исполнения жизненного самоопределения, но и в теоретическом размышлении. Сказанное я могу проиллюстрировать примером выбора жизненного пути, сделанным моим учителем Георгием Петровичем Щедровицким.

В начале 1952 года, рассказывает Щедровицкий, «я твердо решил, что основной областью моих занятий – на первое десятилетие во всяком случае, а может быть и на всю жизнь – должны стать логика и методология, образующие “горячую точку” в человеческой культуре и мышлении... я представлял себя прогрессором в этом мире. Я считал (в тогдашних терминах), что Октябрьская революция начала огромную серию социальных экспериментов по переустройству мира, экспериментов, которые влекут за собой страдания миллионов людей, может быть, их гибель, вообще перестройку всех социальных структур... И определяя для себя, чем же, собственно говоря, можно здесь заниматься, я отвечал на этот вопрос – опять-таки для себя – очень резко: только логикой и методологией. Сначала должны быть развиты средства человеческого мышления, а потом уже предметные, или объектные, знания, которые всегда суть следствия от метода и средств. <...> И первую фазу всего этого гигантского социального и культурного эксперимента я понимал не в аспекте политических или социально-политических отношений, а прежде всего в аспекте разрушения и ломки всех традиционных форм культуры [вот почему Щедровицкий третирует традиционную культуру! – В.Р.]. И я был тогда твердо убежден,

³⁰ Адо П. Философия как способ жить. С. 163.

³¹ Там же. С. 164.

что путь к дальнейшему развитию России и людей России идет прежде всего через восстановление, или воссоздание культуры – новой культуры, ибо я понимал, что восстановление прежней культуры невозможно. Именно тогда, в 1952 году, я сформулировал для себя основной принцип, который определял всю дальнейшую мою жизнь и работу: для того чтобы Россия могла занять свое место в мире, нужно восстановить интеллигенцию России... Я, действительно, до сих пор себя мыслю идеологом интеллигенции, идеологом, если можно так сказать, собственно культурной, культурологической, культуротехнической работы... Интеллигент обязан оставаться мыслителем: в этом его социокультурное назначение, его обязанность в обществе»³².

Если бы Адо комментировал эти размышления моего учителя по поводу новейшей российской истории, причин разрушения российской культуры и способа его преодоления, то он бы сказал, что они в значительной степени обусловлены выбором способа философской жизни, осуществленным Щедровицким, но сам этот выбор артикулировался и укреплялся в ходе данных размышлений.

Возвращаясь к вопросу о том, куда Адо как личность направляет свою жизнь, мы на основе проделанного анализа вынуждены утверждать следующее. Стратегия жизненного пути Адо задается не конечной целью – куда он идет, а именно способом жизни – вопросом как (то есть, заметим опять, речь идет о модальности не онтологической, а технологической). Правда, это «как» достаточно сложное: здесь и *философская жизнь* (отношение к другим философам, преобразование себя и своего видения людей, разворачивание философской речи, духовные упражнения и пр.), и *работа по реализации гуманистических ценностей* (помощь другим людям, стремление к благу, преодоление собственного эгоизма, культивирование космического, «океанического» сознания, позволяющего преодолевать свое повседневное «я»), и *культивирование мудрости*, как ее понимает Адо. «В целом, – разъясняет он, – я лично представил бы фундаментальный философский выбор, то есть усилие по направлению к мудрости как превзойдение пристрастного, частичного, эгоцентричного, эгоистичного “Я”, чтобы достичь уровня более высокого “Я”, которое видит всякие вещи в перспективе универсальности и тотальности, осознает самого себя как часть космоса, объемлет всю совокупность вещей. <...> Речь идет о том, чтобы встать на место других и попытаться снова определить наше действие одновременно в отношении человечества, не абстрактного человечества, но конкретных людей, а также в отношении мироздания, но не заявляя Космосу о себе, но еще раз в нем и событиях растворяясь. <...> Это усилие воображения, но также разумения, нацелено главным образом на то, чтобы снова поместить человеческое существо в огромность вселенной, чтобы заставить его осознать, чем он является. Это прежде всего осознание своей слабости, поскольку оно заставит его прочувствовать, насколько человеческие вещи, которые, как нам кажется, имеют принципиальную важность, оказываются, если их рассматривать в этой горней перспективе, нелепыми и смешными в своей мелочности»³³.

Думаю, нелегко жить, отрицая возможность понять порядок мира, реализуя определенный способ и ценности жизни, одновременно осмысляя и конституируя их (впрочем, жить вообще трудно). Но не так ли всегда происходит на переломах истории, при переходе от одной цивилизации к другой для мыслящего человека, стремящегося не просто жить, но и понимать, что происходит? В эти непростые, можно сказать, драматичные для личности пе-

³² Щедровицкий Г.П. Я всегда был идеалистом. М., 2001. С. 288, 302, 303.

³³ Адо П. Философия как способ жить. С. 139, 212, 254.

риоды и времена (поздняя античность, начало средневековья, пожалуй, весь XX в., настоящее время) человек не только теряет возможность понять порядок мира (поскольку не может его установить), но и не в состоянии определить ориентиры и конечную цель своего жизненного пути. Спасение в том, утверждает Адо, чтобы просто жить «определенным способом», чтобы «выбрать определенный путь» и идти по нему, путь без конечного пункта назначения, но предполагающий философствование, гуманизм, мудрость.

Безусловно, я «за» и стараюсь примерно так и жить, другое дело, что из этого старания получается. Тем не менее, заканчивая, не могу не указать на различие наших философских, а следовательно, и жизненных позиций. На одно расхождение (трактовку функций философской системы) я указал выше, теперь другое расхождение.

Хотя Адо признает, что жизнь определяют два целых – личность и что-то сверхличное (человечество, Космос, мироздание), но мяч и игра у него все же идут на поле личности, а сверхличное просто маячит как некая возможность преодоления нашего эгоизма. На мой же взгляд, и я показываю это в своих работах, наша жизнь протекает и обусловлена обоими этими целыми – и личностью, и сверхличным органическим образованием (я называю его культурой и социумом, верующие – Богом, эзотерики – подлинной реальностью). Суть не в названии, а в способе осмысления и объяснения нашей жизни. Приведу для пояснения пример.

Вот я, как и Адо, анализирую «Пир» Платона³⁴. Для меня важно не просто выяснить культурные и социальные условия, определившие написание «Пира»³⁵, но и показать, что в его построении на равных участвовали и Платон, и становящаяся античная культура. Платон отвечает в «Пире» сразу на три вызова своего времени: создает новые представления о любви, переключаящие родовое ее понимание на личностное (любовь как поиск своей половины и вынашивание духовных плодов – блага, прекрасного и бессмертия), намечает путь спасения, предполагающий новое понимание любви и философское постижение действительности, обсуждает, каким образом можно получить непротиворечивые знания о сложных явлениях, таких как «любовь». При этом основной метод получения Платоном новых знаний – не рассуждения и доказательства, а построение схем и основанных на них определений и идеальных объектов.

Можно было бы, конечно, как Адо, объяснить «Пир», реконструируя личность и поступки Платона. Но я стараюсь показать, что Платон не только действует в ответ на стоящие в античной культуре проблемы, но и обусловлен этой культурой (три вызова времени, на которые отвечает Платон, идеи пифагорейского сообщества, поиски разрешения проблемы спасения, влияние учения Парменида и Сократа и др.): что его творчество, например создание схем, в большой степени было определено непониманием слушателей и в этом смысле коммуникация – тоже реальный субъект творчества, что решения, намеченные в «Пире» Платоном, оказались очень эффективными и были подхвачены другими. Короче, я стараюсь показать, что «Пир» – продукт совместного, можно сказать, синергетического действия становящейся античной культуры и Платона. При этом в античную культуру делает вклад Платон, а сам он обусловлен этой культурой.

³⁴ Розин В.М. «Пир» Платона: Новая реконструкция и некоторые реминисценции в философии и культуре. М., 2015.

³⁵ Историческая и психологическая перспектива, пишет Адо, «очень важна в истории философии, потому что речь по-прежнему идет о том, чтобы воспринять утверждение философа в социальном, историческом, традиционном, философском контексте, который их окружает» (Адо П. Философия как способ жить. С. 208).

Поставим еще такой вопрос: существовала ли в природе любовь, заданная концепцией Платона? Что Платон описывает: существующие в его культуре формы любви и связанные с ними качества человека или...? Очевидно, что к моменту создания «Пира» платоновской любви и соответствующих психических свойств нового человека еще не было. Но они вскоре появились, поскольку концепция Платона не только приглянулась тем философствующим и просто образованным грекам, которые тянулись к новому, но и стала для них руководством в практике любви. Иначе говоря, мы можем предположить, что платоновская любовь как важный аспект современного платоновскому окружению нового человека была конституирована усилиями самого Платона и других участников нового дискурса. Средствами подобного конституирования выступили философские знания и концепции, диалоги типа «Пир», наконец, практические образцы новой платонической любви, распространившиеся в греческой жизни в пятом и четвертом веках до нашей эры.

Безусловно, в практике военного воспитания и «эзотерического философствования» существовали предпосылки, облегчавшие формирование платонической любви, но не более того. В конце концов, платоническую любовь нужно было именно изобрести, интеллектуально сконструировать, внедрить в практику жизни. В этом смысле можно утверждать, что Платон в своем диалоге не описывает некие психические свойства современного человека, которые только ему удалось увидеть (хотя он делает вид, что именно этим занимается), а замышляет, проектирует эти качества. Одновременно Платон реализует себя, свои представления о мышлении, о современном человеке, о его жизненном пути, ведущем, как был убежден великий философ, к уподоблению человека богам, к бессмертию. Важно и то, что, как показала дальнейшая история, замысел Платона в отношении любви (в отличие от платоновского замысла идеального общества и государства) удалось полностью реализовать, то есть, действительно, в античной культуре довольно быстро сложились черты нового человека, столь убедительно описанные в «Пире». То же самое можно сказать и по-другому: в «Пире» Платон как личность не только реализует свои представления о любви, но и создает образ (концепцию) любви для становящейся античной личности. Поскольку собственные устремления Платона в данном случае совпали с «культурным заданием» античности, «Пир» оказался столь востребованным.

Хотя личность живет в культуре, как онтологическая реальность она самостоятельна. Личность и культура – это две дополнительные социальные онтологии. При этом важно не отождествлять личность просто с человеком. Размышления о дилемме – человек задается культурой и одновременно является ее носителем – привели меня к утверждению, что культура является самостоятельной формой жизни и организмом. Другое дело, что одна из важных функций культуры – обеспечение базисных и производных потребностей людей как биологических существ. Но это только одна из функций, у культуры есть и другие: воспроизводство социального опыта, реализация базисных культурных сценариев и других культурных смыслов, поддержание самой жизни культуры³⁶. Личность можно истолковать как вторую форму социальной жизни (в качестве первой выступает культура). С формированием личности меняется и культура. В ней складываются «лично ориентированные практики» (право, платоническая любовь, искусство, мышление). Личность представляет собой и точку роста культуры в том смысле, что именно через ее активность и творчество происходит развитие культуры.

³⁶ Розин В.М. Теория культуры. М., 2005. С. 220–226.

В одной из бесед с Арнольдом Дэвидсоном обсуждается отношение к смерти, и Адо говорит, что «как Платон, так и стоики и эпикурейцы, всегда рассматривали упражнение смерти как упражнении жизни»³⁷. Мне кажется, это положение можно правильно понять только в том случае, если идти не только от личности, но одновременно и от культуры. Например, может показаться, что в сущность старости должны входить умирание и смерть. Думаю, что нет. Они входят в концепцию старости: и то, и другое нужно признавать и продумывать. Но сама старость – это именно жизнь, несовместимая со смертью. Продумать же жизнь, как ограниченную смертью, необходимо. При этом приходишь к интересному парадоксу: жизнь человека как биологического существа конечна, а как личности и социального индивида бесконечна. Мы недостаточно понимаем, что наша душевная и духовная жизнь задается Культурой и Социумом и принадлежит не только нам, но и этим деиндивидуальным формам коллективной социальной жизни. Социум подобно Солярису в романе С. Лема вечен (пока существует Земля и на ней люди), но он живет посредством вас и меня. И мы с вами живем посредством Социума. Но нам кажется, что человек – это одно, как говорили в античной и средневековой культуре, «микрокосм», а Социум – другое, «Макрокосм». Как принадлежащие Социуму и Культуре мы бессмертны, а как биологические существа смертны. Но здесь нет трагедии, если только жить правильно, поскольку, как я говорил, в сущность старости смерть и умирание не входят. В концепцию старости смерть входит, но за ней стоит видеть продолжение жизни, пусть не нашей, но и нашей, Вечной. Как замечательно поэтически размышлял об этом наш великий поэт Ф. Тютчев:

Если смерть есть ночь, если жизнь есть день –
 Ах, умаял он, пестрый день, меня!..
 И сгущается надо мною тень,
 Ко сну клонится голова моя...
 Обессиленный, отдаюсь ему...
 Но все грезится сквозь немую тьму –
 Где-то там, над ней ясный день блестит
 И незримый хор о любви гремит...

Я привел эти стихи не только для иллюстрации, но и для того, чтобы обратить внимание на нашу, как сегодня модно говорить, *интерсубъективность*. Я вместе с любимой женой, мы с Богом, олицетворяющим для нас других людей и в целом Человечество. Принадлежность к Социуму и Культуре – это в том числе моя связь с другими людьми. Хотя обе формы коллективной деиндивидуальной жизни не сводятся только к людям – есть еще много чего: язык, социальные институты, материальная среда, техника и прочее, – все же без людей Социум и Культуру помыслить невозможно. Без связи с людьми я не могу существовать, в критических ситуациях я черпаю энергию и помощь от Других, в свою очередь я стараюсь посылить помогать людям, мне безразлично, как они живут и каким образом будут жить, даже когда меня не будет. Фраза «он любил людей» вовсе не просто красивая формула: это символ веры в людей, в нашу интерсубъективность. Посредством интерсубъективности и любви к людям мы обретаем бессмертие, но только если живем не «как живется», а стараемся жить правильно, работая на Других, Социум и Культуру. Эзотерик Рудольф Штейнер хорошо понимал это. Более того, он вывел подобное *достояние* на уровень самой идеи послесмертного существования. В его учении эзотерик в том мире подлинной реальности

³⁷ Адо П. Философия как способ жить. С. 166.

участвует в творчестве живущих, помогает Земле в ее развитии, короче – выступает, хотя его нет в живых в обычном понимании, существенным моментом жизни и творчества живущих.

В свою очередь, чтобы стать таким достоянием, нашу жизнь надо завершить, правильно артикулировать и представить. Именно такую задачу и решает человек в старости. Завершение жизни, мыслимая в будущем смерть, любовь к людям и создают ту самую точку «внезаходимости», о которой пишет Бахтин, которая позволяет завершить нашу жизнь и представить ее для других. Поэтому небезразлично, как мы живем в старости и что делаем. Когда Фуко пишет, что он хочет сделать из своей жизни произведение искусства, то имеет в виду свою жизнь как пример для других, точнее, хочет войти в культуру вполне определенным образом.

Пожалуй, впервые на этот путь указал Платон, правда, в мифологической форме. Однако, в отличие от распространенных мифов, боги у Платона обеспечивают решение задач, которые его интересуют. Среди этих задач, например, убедить становящуюся античную личность действовать разумно, а не просто удовлетворять свои желания и страсти. Действовать так, чтобы потом не жалеть о содеянном. Сюда же относится задача объяснить личности, что ее жизнь не ограничивается только существующими ситуациями и событиями, что есть реальность – послесмерное бытие, включающая жизнь человека как свой момент, причем от того, как человек живет на земле, зависит характер этого бытия. Стремится Платон объяснить античной личности, что смерть есть благо, если человек живет правильно и разумно, но – зло и страдание, если он живет неправильно и неразумно. Важной личной проблемой для Платона является определение способа жизни, который позволяет встречать смерть спокойно, без страха. «Такой человек, – пишет Платон в «Послезаконии», – даже восполнив смертью удел своей жизни, на смертном одре не будет, как теперь, иметь множества ощущений, но достигнет единого удела, из множественности станет единством, будет счастлив, чрезвычайно мудр и вместе с тем блажен»³⁸. К кому обращается Платон, рассказывая об идеальном государстве или о том, как он завершает свою жизнь? К другим людям. А в отношении самого себя что он хочет сказать? Не сказать, а настроиться на правильную жизнь, которая и сделает Платона бессмертным.

Думаю, этими примерами мне удалось пояснить, в чем мои расхождения с Адо: он прежде всего ставит на личность, а я и на личность, и на культуру. В целом же у меня после прочтения его книги было такое ощущение, что я встретил родственную душу и дальше пойду по жизни, беседуя с ней.

Список литературы

Адо П. Философия как способ жить: Беседы с Жанни Карлие и Арнольдом И. Дэвидсоном / Пер. с фр. В.А. Воробьева. М.; СПб.: Степной Ветер; Коло, 2005. 288 с.

Адо П. Что такое античная философия? / Пер. с фр. В.П. Гайдамака. М.: Изд-во гуманитар. лит., 1999. 320 с.

Аристотель. Политика / Пер. с древнегреч. С.А. Жебелева // *Аристотель.* Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 375–644.

Платон. Собр. соч.: в 4 т. / Под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1990–1994.

Розин В.М. Теория культуры. М.: Nota Bene, 2005. 416 с.

Розин В.М. «Пир» Платона: Новая реконструкция и некоторые реминисценции в философии и культуре. М.: Ленанд, 2015. 200 с.

³⁸ *Платон.* Послезаконие // *Платон.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1994. С. 458.

Хайдеггер М. Вклады в дело философии. От события/Пер. с нем. Э. Сагетдинова//
 "Ερμηνεία. 2009. № 1 (1). С. 56–94.

Щедровицкий Г.П. Я всегда был идеалистом. М.: Путь, 2001. 368 с.

Reflections on Pierre Hadot's *Philosophy as a Way of Life: Conversations with Jeannie Carlier and Arnold I. Davidson*

Vadim Rozin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: rozinvm@gmail.com

The central questions of Pierre Hadot's book are: how a philosopher should live, what does it take to dedicate one's life to philosophy, how should one philosophize? Attempting to provide an answer, Hadot explores what philosophy is, and shows that from the very beginning in classical antiquity it has been not only and not so much a kind of theoretical thinking, as a specific philosophical way of life and the way of thinking associated with the idea of wisdom. At the same time, he is convinced that the practice of philosophy is a spiritual exercise, and its mission is to transform the way one perceives the world. The present paper discusses, alongside with Hadot's ideas, the circumstances which accompanied his making his choices in philosophy and the values which determined his understanding of it. For Hadot, to understand a philosophy is, in the first place, to understand the philosopher as a person who is busy constructing his own world and is guided by how he sees his own place in it. This will be true if the person is the only factor involved in the events, but things become more complicated when culture, communication or a particular concurrence of circumstances are also to be taken into account. Though culture is inhabited by the person, it remains independent as ontological reality; culture and person can, therefore, be described as two complementary social ontologies. This is why this author, while generally following the path made by Pierre Hadot, proposes not to concentrate exclusively on the philosopher's personality, but to consider culture, communication and particular circumstances as well.

Keywords: philosophy, lifestyle, theorizing, culture, salvation, peace, order, life navigation, exercise, spirituality

References

Hadot, P. *Chto takoe antichnaya filosofiya?* [What is the ancient philosophy?], trans. by V. Gaidamak. Moscow: Gumanitarnaya literatura Publ., 1999. 320 pp. (In Russian)

Hadot, P. *Filosofiya kak sposob zhit': Besedy s Zhanni Karlie i Arnol'dom I. Davidsonom* [Philosophy as a way to live: Conversations with Jeannie Carlier and Arnold I. Davidson], trans. by V. Vorob'ev. Moscow; St. Petersburg: Stepnoi Veter Publ.; Kolo Publ., 2005. 288 pp. (In Russian)

Heidegger, M. "Vklady v delo filosofii. Ot sobyitiya", [Beiträge zur Philosophie (vom Ereignis)], trans. by E. Sagetdinov, "Ερμηνεία, 2009, No. 1 (1), pp. 56–94. (In Russian)

Losev, V, Asmus, A. & Takho-Godi, A. (eds.) Plato, *Sobranie sochinenii* [Collected works], 4 Vols. Moscow: Mysl' Publ., 1990–1994. (In Russian)

Rozin, V. 'Pir' Platona: *Novaya rekonstruktsiya i nekotorye reministsentsii v filosofii i kul'ture* [Plato's Symposium: A new reconstruction and some allusions to philosophy and culture]. Moscow: Lenand Publ., 2015. 200 pp. (In Russian)

Rozin, V. *Teoriya kul'tury* [The theory of culture]. Moscow: Nota Bene Publ., 2005. 416 pp. (In Russian)

Shchedrovitskii, G. *Ya vseгда byl idealistom* [I have always been an idealist]. Moscow: Put' Publ., 2001. 368 pp. (In Russian)

Zhebelev, S. (tr.) Aristotle. "Politics", in: Aristotle, *Sochineniya* [Selected Works], Vol. 4. Moscow: Mysl' Publ., 1983, pp. 375–644. (In Russian)